

Романтическая трансформация образа Фауста у Н. Ленау

Е.-Н. Ю. МОЦАРТ

(ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО)

Настоящая статья посвящена романтической трансформации образа Фауста на материале поэмы Николауса Ленау «Фауст». Образ Фауста продолжает жить и переосмысливаться в искусстве и в XXI в., в связи с чем выбранная исследователем тема представляется интересной и актуальной как для отечественного, так и для мирового литературоведения.

Автор уделяет особое внимание стадиям духовной и личностной гибели главного героя поэмы (физическая гибель Фауста как апофеоз распада его личности и души), развитию образа Мефистофеля как «антитворца» и «контекстуального» антипода образа Фауста.

Выделяются две составляющие образа главного героя у Ленау — внешняя и внутренняя, которые, в свою очередь, оказываются объединенными в одно целое. Утверждается о предопределенности судьбы Фауста, вследствие которой оказывается изначально невозможным финал, где смерть героя была бы в соответствии с эстетикой романтизма победой над миром и земной оболочкой, очищением и освобождением от оков жизни.

В статье подчеркивается, что главный герой поэмы сочетает в себе и Добро (отождествляется с Богом), и зло (отождествляется с дьяволом), поэтому основной конфликт сосредоточен именно в нем самом: внешняя борьба между Добром и злом оказывается, в сущности, безличной, почти полностью скрытой от читателя, проходящей где-то на заднем плане. Эстетика романтизма в образе Фауста Ленау достигает своего апогея, утверждая неразрешимость конфликта — как внутреннего, так и внешнего, — а также затрагивая вполне деистическую проблему полного или частичного невмешательства Создателя в земные дела после Сотворения мира. Поэма Ленау «Фауст» представляет собой, таким образом, историю катастрофы духа.

Ключевые слова: Н. Ленау, Фауст, Мефистофель, контекстуальный антипод, антитворец, катастрофа духа, романтический герой, романтизм.

ВВЕДЕНИЕ

Как в отечественном, так и в мировом литературоведении поэме австрийского поэта Николауса Ленау «Фауст» (1836) уделялось значительно меньше внимания, чем многим другим, более известным произведениям на так называемую фаустовскую тему. Широкому кругу читателей поэма малоизвестна. В связи с этим автору данной статьи представляется интересным и актуальным обратиться в своем исследовании к проблематике данного произведения, в частности — к романтической составляющей поэмы. Автор во многом продолжает и развивает предложенные исследователем И. С. Румянцевой идеи, сформулированные в диссертационной работе «Эволюция романтического героя в поэмах Николауса Ленау “Фауст” и “Дон Жуан”» (Румянцева, 2010).

Образ Фауста, переживший в мировой литературе бурную эволюцию от жаждущего знания (тождественного власти над миром) чернокнижника-алхимика до человека, бросившего вызов всему традиционному миропорядку, к середине XIX в. предоставлял писателям широкие возможности для выбора трактовки. Н. Ленау предложил в своем произведении новую трактовку не только истории о Фаусте, но и самого образа Фауста.

Центральная тема поэмы Н. Ленау «Фауст» — человек, поставленный перед выбором: знание или Вера, ад или Рай, демоническая сущность или признание собственного человеческого естества. И выбрать главный герой должен лишь одно из двух, поскольку каждая подобная пара понятий содержит взаимоисключающие друг друга составляющие, которые совместить не представляется возможным.

СТАДИИ ДУХОВНОЙ И ЛИЧНОСТНОЙ ГИБЕЛИ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ

Первая ступень Фауста Ленау на пути к гибели — богохульство, в ответ на которое, собственно, и является Мефистофель. Вторая ступень — договор с силами ада: Фауст по условиям этого договора претендует на равенство с Богом (грех гордыни). Третья ступень — отречение от своей человеческой сущности в надежде познать ис-

тину. После этих трех этапов, по мнению И. С. Румянцевой, «...познание становится для Фауста вечным отрицанием: сначала он отвергает общественные ценности, такие как семья, брак и традиционная мораль, затем переходит к отрицанию веры, а во второй половине поэмы опровергает и ценность человеческой жизни, в том числе и своей собственной...» (Румянцева, 2010: 52). Действительно, в «Фаусте» Ленау показана не только гибель личности главного героя, но и гибель его души. В первой сцене поэмы перед нами предстает деятельный и динамичный человек, полный идей и стремлений. Но Мефистофель верно подмечает и другую сторону фаустовской натуры, основанную на *присущей романтизму* неудовлетворенности жизнью, что, собственно, впоследствии и дает ему возможность привести Фауста к гибели — как физической, так и духовной. Фауст заключает договор, надеясь понять метафизическую истину, однако Мефистофель в силу своей природы не властен ее открыть — и поэтому склоняет Фауста отказаться от этой цели и обрести смысл в самой жизни, в реальном бытии.

Фауст не способен понять и то, что заключенный с темными силами договор вовсе не тождественен его контролю над ними. По ходу повествования мы наблюдаем скорее противоположную картину: герой поэмы все больше и больше подпадает под влияние Мефистофеля, становясь фактически его марионеткой, все дальше отдаваясь от собственных целей и собственного Я. Физическая гибель Фауста является, таким образом, апофеозом распада его личности и души. «Фауст хочет вырваться из ночи духа, то есть избежать заключенной в смерти потери индивидуальности (*So will ich mich der Geistesnacht entrafen!*¹⁾)»² (там же: 53–54), однако, отчасти благодаря усилиям Мефистофеля, но все же в целом — исключительно вследствие собственно выбора, Фауст постепенно (и мучительно) теряет свою индивидуальность еще при жизни.

ОБРАЗ МЕФИСТОФЕЛЯ У ЛЕНАУ

Образ Мефистофеля в поэме Ленау, как и в трагедии Гете, безусловно, играет роль своего рода антипода образа Фауста — при этом антипода не абсолютного, а «контекстуального». Терзаемый противоположными и порой взаимоисключающими чувствами, Фауст по ходу повествования то как бы приближается к Мефистофелю, когда в его душе доминирует темная сторона, то, напротив, отдаляется от него, когда светлая сторона одерживает верх. Характер самого Мефистофеля раскрывается автором в монологе, где Мефистофель четко обозначает — и отчасти объясняет — свои цели и стремления:

...Dann setzt er sich mit seinem Ich allein,
Und in den Kreis spring ich dann mit hinein.
Dann laß ich rings um ihn mein Feuer brennen,
Er wird im Glutring hierhin, dorthin rennen,
Ein Skorpion sein eignes Ich erstechen. —
So wird mein Schmerz am Göttlichen sich rächen,
So will Verstoßner ich mein Leiden kühlen,
Verderbend mich als Gegenschöpfer fühlen

(Lenau, 1911: 28).

(«...Тогда окажется он со своим Я один на один, / И затем в прыгну я внутрь этого круга. / Тогда я разожгу вокруг него свое пламя, / Он будет в кольце пекла туда-сюда бегать, / Скорпионом, убивающим собственное Я, будет. — Так моя боль отомстит

за себя Божественному, / Так я, падший, хочу притушить мои страдания, / Неся погибель, чувствовать себя идущим против Творца»³).

Фауст, являющийся по своей природе человеком, носит в себе Божественную искру, вложенную в его душу Создателем. Фауст создан по Образу и Подобию Божиему, — следовательно, обладает способностью к творчеству, созиданию. Таким образом, Мефистофель ставит перед собой задачу выступить в качестве антитворца — загасить эту искру в душе Фауста, причем сделать так, чтобы Фауст сам, по собственной воле отказался от нее, а затем и уничтожил.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ОБРАЗА ФАУСТА У ЛЕНАУ

Здесь необходимо отметить, что Н. Ленау неоднократно подчеркивает в тексте поэмы, что погибель Фауста заложена в нем самом. «Искушение Фауста Ленау описывает не только в соответствии с типичными фаустовскими мотивами, но и с традицией, берущей свое начало в народной комедии: Мефистофель обязуется дать Фаусту в обмен на его душу не только истину, но и славу, богатство и чувственные удовольствия. К моменту заключения договора герой уже сам заявляет, что готов обратиться к дьяволу, не получив ответов на свои вопросы у Бога» (Румянцева, 2010: 140).

Причем в данном случае мы имеем дело с определенным рода предпосылками, которые как бы подталкивают героя к подобному исходу, — в сущности, судьба Фауста предопределена изначально. «Истоки развивающегося в душе Фауста конфликта мы наблюдаем уже в его детстве, — отмечает И. С. Румянцева. — Герой рассказывает, что уже в детстве, принимая участие в церковной службе, он сожалел, что сам не является Богом. Гордыня характерна и для зрелого Фауста. Он не может примириться с мыслью о том, что тоже является творением Бога, и поэтому вступает в конфликт с ним» (там же: 112). Таким образом, в поэме Николауса Ленау перед нами предстает, с одной стороны, типичный романтический герой: мятущийся и пытающийся противостоять обстоятельствам, конфликтующий с обществом, недовольный как собственной жизнью, так и текущим миропорядком — и желающий изменить их под свое Я. С другой стороны, как уже было указано выше, Фауст Ленау — человек слабый, пассивный и ведомый. Поэтому в данном случае оказывается *изначально невозможным* финал, где смерть героя в соответствии с эстетикой романтизма была бы победой над миром и земной оболочкой, очищением и освобождением от оков жизни.

«...История романтизма есть история исчерпания духовных, волевых способов и методов построения идеального мира, построения бесконечного, есть история *катастрофы духа*», — пишет исследователь Ф. П. Федоров (Федоров, 2004: 99; курсив мой. — Е.-Н. М.). О Фаусте Ленау не заходит спор на Небесах, как в трагедии Гете; Фауст Ленау с самого начала предоставлен самому себе; наконец, Мефистофель в поэме Ленау является единственным звеном, связующим два мира — человеческий и трансцендентный. Двоемие, свойственное творчеству романтиков (дихотомии Добра и зла, конечного и бесконечного, материи и духа, частного и общего и др.), находит свое отражение и здесь: Бог — и вообще Божественное как таковое — олицетворяют собой Добро, Мефистофель — зло; Фауст же сочетает в себе и то, и другое, поэтому основной конфликт сосредоточен именно в нем самом.

Образ Фауста, таким образом, распадается на две составные части. Одна из них (для удобства классификации назовем ее *внешней*) является, в сущности, пешкой в борьбе *внешних* сил Добра и зла — и принимает пассивное участие в жизни, исход которой уже заранее предопределен. Другая часть (назовем ее *внутренней*) представ-

ляет собой единое целое — душу Фауста, — в которой разворачиваются свои события, происходит своя, внутренняя, борьба между Добром и злом, которая, под влиянием той самой внешней части, также оказывается предопределена. При этом обе части, в свою очередь, оказываются объединенными в единое целое, поскольку внутренние силы Добра и зла являются проявлением внешних, а душа Фауста неотделима от его земной жизни — до момента смерти.

ПОЭМА ЛЕНАУ КАК ИСТОРИЯ КАТАСТРОФЫ ДУХА

Следовательно, сама по себе поэма Николауса Ленау «Фауст» уже является *историей катастрофы духа*. Мефистофелю удастся привести в исполнение свой план, Фауст гибнет. Однако если в трагедии И. В. Гете теоретически существовала возможность альтернативных финалов — оптимистического (победа Фауста) и пессимистического (победа темных сил), то в поэме Ленау никакой альтернативы нет и быть не может.

В «Фаусте» Гете наличие спора в «Прологе на небе» (Prolog im Himmel) определяет зло как неотъемлемую часть Божественного Замысла, ту часть, которая, будучи посрамлена, лишь ярче осветит Вечную Победу Добра и Света; и человек, сумевший преодолеть все искушения и не потерять ту Божественную искру, которая заложена в нем, достоин вечной славы на Небесах:

Nun gut, es sei dir überlassen!
Zieh diesen Geist von seinem Urquell ab,
Und führ ihn, kannst du ihn erfassen,
Auf deinem Wege mit herab,
Und steh beschämt, wenn du bekennen mußt:
Ein guter Mensch in seinem dunklen Drange
Ist sich des rechten Weges wohl bewußt

(Goethe, 1977: 14).

(«Хорошо, тебе дана такая возможность! / Отними этот дух от его первоосновы, / И поведи его, если ты сможешь его охватить, / По твоей дороге вниз, / И будешь выглядеть пристыженным, когда ты должен будешь признать: / Хороший человек в своем темном порыве / Все же осознает правый путь»).

У Ленау *внешняя* борьба между Добром и злом оказывается, в сущности, почти полностью скрытой от читателя и проходит где-то на заднем плане, более того, она отчасти *безлична*, так как, как уже было указано выше, единственным посредником между мирами конечного и бесконечного выступает Мефистофель. Фауст оказывается своего рода плацдармом для этого противостояния; именно у Ленау Фауст кончает жизнь самоубийством⁴, таким образом собственными руками уничтожая свой последний шанс на спасение:

...Bin ich ein Traum, entflatternd deiner Haft!
Ich bin ein Traum mit Lust und Schuld und Schmerz,
Und träume mir das Messer in das Herz!
(Er ersticht sich)

(Lenau, 1911: 123).

(«...Я — сон, упорхнувший из твоей неволи! / Я — сон, а еще — желание, вина и боль, / И этот нож в сердце мне снится!» (закалывает себя)).

Постепенное самоуничтожение Фауста — противоположный гетевскому вариант развития событий после схождения по тому самому «пути вниз», о котором говорится в «Прологе на небе».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, эстетика романтизма в образе Фауста Ленау достигает своего апогея, утверждая неразрешимость конфликта — как внутреннего, так и внешнего, — а также затрагивая вполне деистическую проблему полного или частичного невмешательства Создателя в земные дела после Сотворения мира. Судьба, по мнению романтиков, не бывает благосклонна к человеку, он оказывается перемолот ее жерновами — следовательно, конец его жизни всегда однозначно пессимистичен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Курсив И. С. Румянцевой.

² В оригинале: "...So will ich mich der Geistesnacht entrafen!" («Так я хочу отнять у самого себя ночь духа!»).

³ Здесь и далее, если не указано иное, дословный перевод выполнен автором статьи. — Е.-Н. М.

⁴ Ср., например, с кончиной Манфреда: когда за его душой приходит дух Судьбы, герой отказывается покориться «рабу» (Байрон, 1981: 50) ["to such as thee" (Byron, 1905: 496) — «такому, как ты»] и решает умереть так же, как и жил, — один. «Я покоряюсь смерти, а не вам!» (там же: 51) ["The hand of death is on me — but not yours!" (там же: 496) — «Рука смерти на мне — но не ваша!»] — говорит он явившимся по зову Судьбы духам, и те исчезают; Манфред умирает на руках у Аббата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байрон, Дж. Г. (1981) Манфред (драматическая поэма) / пер. с англ. И. А. Бунина // Байрон Дж. Г. Собр. соч. : в 4 т. М. : Правда. Т. 4. Драматургия. 496 с. С. 5–52.

Румянцева, И. С. (2010) Эволюция романтического героя в поэмах Николауса Ленау «Фауст» и «Дон Жуан» : дис. ... канд. филол. наук. СПб. 287 с.

Федоров, Ф. П. (2004) Художественный мир немецкого романтизма: Структура и семантика. М. : МИК. 368 с.

Byron, G. G. (1905) Manfred (A Dramatic Poem) // The Poetical Works of Byron / ed. by Paul Elmer More. Boston ; N. Y. : Houghton Mifflin. 1055 p. P. 478–497.

Goethe, J. W. (1977) Faust (Eine Tragödie) // Goethe J. W. Faust (Eine Tragödie) : in 2 Bd. Leipzig : Verlag von Philipp Reclam jun. Bd. 1 (Der Tragödie erster Teil). 158 s.

Lenau, N. (1911) Faust // Lenau N. Sämtliche Werke und Briefe : in 6 Bd. / Hrsg. von E. Castle. Bd. 2: Faust, Helena, Savonarola, Albigenser, Don Juan. Leipzig : Insel-Verlag. 451 s. S. 1–124.

Дата поступления: 18.11.2013 г.

THE ROMANTIC TRANSFORMATION OF THE CHARACTER OF FAUST BY N. LENAУ

E.-N. Yu. MOZART

(MAXIM GORKY LITERATURE INSTITUTE)

The article is devoted to the romantic transformation of the character of Faust in the eponymous poem by Nikolaus Lenau. This character continues to live and to get new interpretations in the art of the 21st century, which makes the chosen topic relevant for the studies of both Russian and world literature.

The author gives special attention to the stages of the spiritual and personality collapse of the poem's protagonist (Faust's physical death as the apotheosis of decay of his soul and personality) and

to the evolution of the character of Mephistopheles as an «anticreator» and a «contextual» antipode of Faust.

There are two components of the protagonist's character in Lenau's "Faust" — the external and internal ones, which are actually combined into one. The fate of Faust is initially predetermined, which makes it inherently impossible that the protagonist's death in the finale, in accordance with the aesthetics of romanticism, would be a victory over the world and over the corporal form, a purification and liberation from the shackles of life.

The article points out that the protagonist of the poem combines the features of the good (identified with God) and evil (identified with the devil), so the main conflict is centered inside himself. The external struggle between Good and evil is impersonal, almost completely hidden from the reader, happening somewhere in the background.

In the character of Lenau's Faust, the aesthetics of romanticism reaches its apogee, claiming that both internal and external conflicts are irresolvable. It also affects the quite deistic problem of the Creator's full or partial non-interference in the earthly affairs after the Creation of the world. Consequently, the poem "Faust" by N. Lenau presents the story of the catastrophe of spirit.

Keywords: N. Lenau, Faust, Mephistopheles, contextual antipode, anticreator, catastrophe of spirit, romantic hero, romanticism.

REFERENCES

Byron, G. G. (1981) Manfred (dramaticheskaya poema) [Manfred (A Dramatic Poem)] / transl. by I. A. Bunin. In: Byron G. G. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: in 4 vols. Moscow, Pravda Publ. Vol. 4: Dramaturgiia [Drama]. 496 p. Pp. 5–52. (In Russ.).

Rumiantseva, I. S. (2010) *Evoliutsiia romanticheskogo geroia v poemakh Nikolausa Lenau "Faust" i "Don Zhuan"* [The Evolution of the Romantic Hero in the Poems "Faust" and "Don Juan" by Nikolaus Lenau]: diss. ... Candidate of Philology. St. Petersburg. 287 p. (In Russ.).

Fedorov, F. P. (2004) *Khudozhestvennyi mir nemetskogo romantizma: Struktura i semantika* [The Artistic World of German Romanticism: Structure and Semantics]. Moscow, MIK Publ. 368 p. (In Russ.).

Byron, G. G. (1905) Manfred (A Dramatic Poem). In: *The Complete Poetical Works of Lord Byron* / ed. Paul Elmer More. Boston; New York, Houghton Mifflin. 1055 p. Pp. 478–497.

Goethe, J. W. (1977) Faust (Eine Tragödie) [Faust (A Tragedy)] // Goethe J. W. *Faust (Eine Tragödie)* [Faust (A Tragedy)]: in 2 Bd. Leipzig, Verlag von Philipp Reclam jun. Bd. 1 (Der Tragödie erster Teil). 158 s. (In Germ.).

Lenau, N. (1911) Faust. In: Lenau N. *Sämtliche Werke und Briefe* [Complete Works and Letters]: in 6 Bd. / hrsg. von E. Castle. Bd. 2: Faust, Helena, Savonarola, Albigenser, Don Juan. Leipzig, Insel-Verlag. 451 s. S. 1–124. (In Germ.).

Submission date: 18.11.2013.

Моцарт Елена-Неола Юлиановна — соискатель кафедры зарубежной литературы Литературного института им. А. М. Горького. Адрес: 123104, Россия, г. Москва, Тверской б-р, д. 25. Тел.: +7 (495) 694-06-81. Эл. адрес: moztart_jj@mail.ru. Научный руководитель — канд. филол. наук, проф. С. Б. Джимбинов.

Mozart Elena-Neola Yulianovna, Applicant, Foreign Literature Department, Maxim Gorky Literature Institute. Postal address: 25 Tverskoy Blvd., Moscow, Russian Federation, 123104. Tel.: +7 (495) 694-06-81. E-mail: moztart_jj@mail.ru. Research adviser: Candidate of Philology, Professor S. B. Dzhimbinov.